

Atıf/Citation: Yıldırım, A. (2023). Структурно-семантические отношения падежных систем как лингводидактическая проблема Русско-Турецкой языковой пары. *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD)*, 6 (2), s. 203-223. DOI: <https://doi.org/10.37999/udekad.1290219>

Arif YILDIRIM*

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ
КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ПАРЫ****

**STRUCTURAL-SEMANTIC RELATIONS
OF CASE SYSTEMS AS A
LINGUODIDACTIC PROBLEM OF
RUSSIAN-TURKISH LANGUAGE PAIR**

АННОТАЦИЯ

Разница между русским и турецким языками обусловлена факторами, выходящими за рамки грамматики, морфологии, фонетики, стилистики, синтаксиса, семантики и других аспектов языковой системы. Важную роль в этом играет тот факт, что оба языка принадлежат к различным языковым семьям: русский язык – к группе славянских языков индоевропейской семьи, а турецкий – к тюркским языкам алтайской семьи. В связи с тем, что русский язык относится к группе языков флективного строя, а турецкий – к агглютинативным языкам, существует много трудностей в изучении как турецкого языка носителями русского, так и русского языка носителями турецкого. Таким образом, данная статья предлагает метод типологического сопоставления грамматических систем русского и турецкого языков на уровне категории семантики падежа с целью выявить существенные различия, которые являются причиной трудностей у носителя турецкого языка в формировании грамматической компетенции. За исходный элемент сопоставления берётся план содержания той или иной падежной единицы, осуществляется анализ различий в плане выражения в русском и турецком языках, делается попытка установить характер и причины различий в структурно-семантическом и историко-грамматическом аспекте. В первой части работы на материале значимых лингвистических научных трудов раскрывается проблема понятия падежа и падежной системы в общелингвистическом аспекте, а также проблема его функционирования в современном русском и турецком языках. В основной части с лингводидактической точки зрения анализируются примеры, представляющие трудности в изучении русской падежной системы носителями турецкого языка. В заключительной части делаются выводы с точки зрения носителя турецкого языка и структурно-семантической системы его падежных отношений к падежным структурно-семантическим единицам русского языка.

Ключевые слова: падеж, категория падежа, русско-турецкая языковая пара, сравнительно-сопоставительный метод, лингводидактика.

ABSTRACT

The difference between Russian and Turkish is conditioned by factors beyond grammar, morphology, phonetics, stylistics, syntax, semantics, and other aspects of the language system. An important role in this is played by the fact that both languages belong to different language families: Russian belongs to the group of Slavic languages of the Indo-European family, while Turkish belongs to the Turkic languages of the Altaic family. Due to the fact that Russian belongs to the flexional group of languages and Turkish is an agglutinative language, there are many difficulties in learning both Turkish by native speakers of Russian and Russian by native speakers of Turkish. Thus, this paper proposes a method of typological comparison of the grammatical systems of Russian and Turkish at the level of the category of case semantics in order to identify significant differences that cause difficulties for Turkish native speakers in the formation of grammatical competence. As a starting point for the comparison, we take the content plan of a particular case unit, analyze the differences in terms of expression in Russian and Turkish, and try to establish the nature and causes of the differences in the structural-semantic and historical-grammatical aspects. In the first part of the work the problem of case and case system in general linguistic aspect, as well as the problem of its functioning in the modern Russian and Turkish languages, is solved on the material of significant linguistic scientific works. The main part analyses from a linguodidactic point of view the examples that present difficulties in learning the Russian case system by Turkish native speakers. In the final part, conclusions are made from the point of view of a native speaker of Turkish and the structural-semantic system of its case relations to the case structural-semantic units of the Russian language.

Keywords: case, case category, Russian-Turkish language pair, comparative method, linguodidactics.

* Кан. филол. наук., Университет Эрджис, Факультет литературы, Кафедра русского языка и литературы, г. Кайсери / Турция. E-почта: arifyildirim@erciyes.edu.tr.

** Данная работа – расширенная версия тезиса доклада, опубликованного под заголовком «Трудности падежной системы при изучении русского языка турецкими студентами» (The Problems Faced by Turkish Students in Grammatical Noun Cases System in Learning Russian), представленного в Назарбаев университете на симпозиуме 5-ый Международный симпозиум по азиатским языкам и литературе: «Пересечение культур» – 20-22 июня 2019 года.

Введение

Одним из наиболее распространённых затруднений, возникающих у носителя турецкого языка при изучении русского, является овладение законами падежной системы. Очевидно, что проблемы в изучении падежных форм в русском и турецком языках, начинающиеся с шести падежных форм имени существительного в русском языке и пяти падежных форм имени существительного в турецком языке, становятся все более трудными для понимания в некоторых случаях в ходе их изучения. То есть, начальное знакомство с падежной системой, с применительным к каждому падежу спектром флексий и предлогов, а также с приблизительным практическим использованием каждого отдельно взятого падежа принимает тем большие обороты сложности, чем сложнее речевые интенции инофона. Следовательно, интенцию можно рассматривать в качестве плана содержания, проблема же плана выражения состоит в частичной непараллельности структур родного и изучаемого языков: то, что мы желаем высказать, есть содержание высказывания; однако, то, как мы пытаемся это содержание «облачить» в лексико-грамматические конструкции родного языка, зачастую не соответствует лексико-грамматическим конструкциям в изучаемом языке. Причём эти несоответствия могут основываться как на различиях в предлогах и падежах (даже если их название говорит о схожей функции: родительный падеж и *in-hali*, но *нет урока* и *ders yok*), так и на разнице в лексико-грамматической или синтаксической связи (различное глагольное управление, как, например в паре *-den/-dan şüphelenmek* – *сомневаться в ком/чём* или синтаксическая связь между словами, как в турецком изафете, не всегда совпадающем с семантикой и функцией родительного падежа: *Moskova sokakları / Moskova'nın sokakları* – *московские улицы / улицы Москвы*, но *kadının şapkası / kadın şapkası* – *шапка женщины / женская шапка*).

Чтобы более наглядно проиллюстрировать подобные возможные несовпадения между планами выражения русской и турецкой падежных систем, в данной работе делается подробный анализ на основе теоретических и практических различий в грамматической категории падежа в двух разных по структуре языков, которые препятствуют усвоению и пониманию, в том числе и употреблению – не только на письме, но и в устной речи – падежа и падежной системы современного русского языка при его изучении с точки зрения носителя турецкого языка при. Эти конкретные препятствия при освоении падежа русского языка, появляющиеся в процессе его изучения и связанные с отличной от родного структурой изучаемого языка, могут создавать серьёзные, но преодолимые трудности в представлениях инофона, изучающего русский язык как иностранный.

В статье в первую очередь рассматриваются теоретические подходы к данному вопросу, дается определение понятия падежа и падежной системы в общелингвистическом понимании и, далее, в русском языке. Затем в традиционном смысле определяется и описывается категория падежа русского языка, которую связывают с грамматической категорией склоняемых слов, словоформ. Наконец, на основе сравнительно-сопоставительного анализа выделяются общая характеристика и структура падежа в обоих языках. Причём, анализ осуществляется на уровне языковой системы, не затрагивая при этом конкретные результаты речевой деятельности инофона, то есть, основан на структурно-семантических особенностях падежной системы русского языка в сопоставительном аспекте с особенностями турецкого.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что **актуальность работы** определяется важностью выбранной темы и рассматриваемой проблемы для получения нового знания и дальнейшего теоретического развития науки о структурно-семантическом аспекте категории падежа, в частности, и практики преподавания русского языка как иностранного в её лингводидактическом аспекте, в целом.

Цель данной работы – выявить специфику и возникающие трудности при изучении и усвоении падежей русского языка носителем турецкого языка на основе сравнительно-сопоставительного метода и описать возникающие проблемы и типы различий структуры и семантики между этими неродственными языками. Следует подчеркнуть, что для изучения данного вопроса особое значение имеет **сравнительно-сопоставительный метод**, благодаря которому исследуется и описывается один язык через его системное сравнение с другим языком. Более того, данный метод смежен со сравнительно-историческим методом в языкознании, что позволяет в ходе объяснения характера различий, трудностей и вариантов интерференции обращать внимание не только на структурные особенности плана выражения современных родного и изучаемого языков, но и на историко-грамматические причины того или иного общеграмматического или конкретно падежного явления, исключения или, наоборот, закономерности. В результате использования в работе данного метода, в первую очередь, выявлены различия между двумя сравниваемыми языками на основе падежной системы и проведен более глубокий и детальный анализ категории падежа турецкого и русского языков.

В структуре каждого из названных выше языков можно выделить наличие особых отличительных черт и особенностей. При помощи сопоставления языковых систем русского и турецкого языков с целью сравнительного анализа плана выражения их падежных структур, в данной работе подробно исследованы потенциальные проблемы, с которыми может сталкиваться носитель турецкого языка при изучении падежной системы современного русского языка. На основе, с одной стороны, рассмотренных исследований ученых-лингвистов по этому вопросу и, с другой стороны, использованного широкого спектра примеров выражены потенциальные трудности в изучении падежной системы современного русского языка с точки зрения носителя турецкого языка.

Интерес к изучению категории падежа был актуален во все времена. Устанавливая специфические и общие черты падежной системы в русском языке, многие языковеды сравнивали ее с системами других языков мира. Особое внимание уделялось сходствам и различиям сравниваемых языков. Вопросами определения и развития понятия категории падежа имен существительных и падежной системы русского языка занимались и ныне уделяют немало внимания многие исследователи в России и за рубежом: ранее занимались этой проблемой такие ученые как М.В. Ломоносов (1757), И.М. Тронский; позднее появились работы – конец XIX – начала XX вв. – А. А. Потебни (1888), А.И.Томсона (1902), А. М. Пешковского (1925), Л.В. Щербы (1928), А. А. Шахматова (1957), Ф. Ф. Фортунатова (1957), В. В. Виноградова (1947 и 1986), А.А. Зализняка (1973), Вежбицкой А. (1985), А. А. Реформатского (1996) и др. А за рубежом уделялось внимание вопросам падежей такими учеными как Р.О. Якобсон (1936 и 1958 гг.), Е. Курилович (1962), Ч. Филлмор (1981 и 1988), Л. Ельмслев (1935 и 1937), Д.С. Уорт (1962) и др.

Определение понятия «падеж»

Для того, чтобы осознать и понять сущность грамматической категории «падеж», необходимо сформировать представление о том, как возникло это понятие и какими были подходы к нему с лингвистической точки зрения.

Так, в этимологическом словаре русского языка (1938-1950), составленном российским и немецким лингвистом М. Фасмером, определение слова «падеж» описывается таким образом, что оно заимствовано из церковнославянского языка как «падежь». При этом утверждается, что как грамматический термин «падежь» является семантическим заимствованием из греческого *ptōsis* (πτῶσις) и латинского *casus* - «падение» в качестве буквального перевода соответствующей языковой единицы, которая происходит от глагола *πίπτω* в значении «падаю», который, в свою очередь, происходит из терминологии игры в кости (Фасмер, 1986). В связи с этим можно отметить, что лингвистическое значение у данного термина появилось в греческом языке еще в античности.

Важно подчеркнуть, что впервые термин «падение» – в дальнейшем «падеж» - был привлечен для описания языковых явлений Аристотелем, хотя надо заметить, что до него уже было представление о «падеже». Затем его взяли на употребление философы Древней (старшей) Стои (конец IV века до н. э. – середина II века до н. э.).

Следует согласиться с тем, что констатирует в своей работе Лаутин, полагая, что к более современному пониманию падежа нас приблизили «Дионисий Фракийский, его последователи Диомед (IV век н.э.) и Присциан (V в н.э.), с одной стороны, Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» (1587 г.) и «Общая и рациональная грамматика» Антуана Арно и Клода Лансло (1660 г.) – с другой» (Лутин, 2019, с.7). В дальнейшем, начиная с XVI века, слово «падеж» в своем основном (нынешнем) значении стало появляться в текстах и научных исследованиях.

М.В. Ломоносов в опубликованной в 1757 г. работе из шести наставлений «Российская Грамматика» выделяет пять склонений (четыре существительных и одно прилагательное) и приводит свою классификацию, указывая на семь падежей в раньше так называемом «российском языке». Ломоносов, первым отделивший русский (и древнерусский) от старославянского языка (Цейтлин, 1963), в своей работе рассматривает имена разных склонений мужского и женского рода в именительном, родительном, дательном, винительном, звательном (по окончаниям приравнивая звательный падеж к именительному) творительном и предложном падежах. (См. иллюстрацию 1). В качестве пояснения к нижеприведённой иллюстрации, взятой из оригинала текста авторства М.В. Ломоносова (1757), следует указать на пример слова «воевода», представленного не только в шести падежных формах, используемых в современном литературном русском языке, но также и в форме звательного (ед.ч. «воевода», мн.ч. «воеводы»).

Иллюстрация 1. «О склонениях российского языка». М.В. Ломоносов (1757)

Единств. число	Множеств. число	Первой Примѣръ:	
Им. А	БІ или И	Единств. число:	Множеств. число:
Род. БІ или И	Б	Им. Воевода:	Воеводы:
Дат. Б	АМБ	Род. Воеводы:	Воеводъ:
Вин. У	Б; БІ или И	Дат. Воеводѣ:	Воеводамъ:
Зв. А	БІ или И	Вин. Воеводу:	Воеводѣ:
Тв. ОЮ или ОИ	АМИ	Зват. Воевода:	Воеводы:
Пр. Б	АХБ:	Твор. Воеводою или ой:	Воеводами:
		Пред. о Воеводѣ:	о Воеводахъ:

Здесь следует отметить, что звательный падеж существовал в русском языке как падеж до 1918 г. В отличие от старорусского периода, в настоящее время с точки зрения употребления и значения он используется в качестве архаизма в религиозных текстах или устойчивых выражениях.

В ходе анализа в своей работе «О понимании термина падеж в лингвистических описаниях» А. А. Зализняк делает вывод о том, что «термин «падеж» может употребляться в двух смыслах: а) конкретный падеж (например, именительный, родительный и т.д.), которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (=грамматическая категория падежа)» (Зализняк, 2002, с. 614). Далее в той же работе он различает эти два понимания термина «падеж» как семантическое и формальное.

На основании этих толкований понятия падежа Зализняк утверждает, что «конкретный падеж в семантическом понимании – это элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например, «быть субъектом действия», «быть орудием действия», «принадлежать кому-либо (чему-либо), «быть внутри чего-либо» и т.п. (Зализняк, 2002, с.615). Там же, ссылаясь на А.А. Потебню, Зализняк приводит примеры для разных значений данного понимания: «значение орудия (*пишу пером*), деятеля (*создано человеком*), эталона сравнения (*летит стрелой*), места движения (*шел лесом*) и т.д.

Внесший большой вклад в языкознание советский лингвист и и литературовед В.В. Виноградов в своей книге «Русский язык – грамматическое учение о слове», выделяет следующее толкование слова «падеж» – «форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Формы и функции падежей соотносительны грамматической системой предлогов, с присущими им значениями» (Виноградов, 1947, с. 167).

В общей работе с Д. Э. Розенталем и И.Б. Голубом в книге «Современный русский язык» М.А. Теленкова дает подробное описание падежа. Она, в частности, отмечает, что «отношения, создаваемые с помощью падежей, проявляются на уровне словосочетания и предложения. Они могут выражаться падежной формой самостоятельно или в сочетании с лексическими либо грамматическими средствами (предлогами, интонацией, порядком слов)» (Теленкова, 2017, с. 186). К вышесказанному Теленкова добавляет, что в современном русском языке существует шесть падежей, при этом подчёркивая, что передаваемых ими значений гораздо больше, чем количество падежных форм.

В словаре Ожегова и Шведовой значение слова «падеж» дается таким образом: «в грамматике словоизменительная категория имени, выражаемая флексиями (падежными окончаниями)» (Ожегов & Шведова, 2000, с. 488).

В книге «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой утверждается, что «у форм существительных, помимо категорий рода, одушевленности-неодушевленности и числа, существует еще одна характеристика, относящаяся к выбору связанных словоформ. Эту характеристику и называют падежом существительного. Лежащие в основе падежа свойства словоформ являются общими свойствами существительных, они формируют категорию падежа» (Белошапкова, 1989, с. 423). Подчеркивается, что основное значение проявляется в результате взаимодействия формы существительного с подчиняющей ее словоформой.

В работе «Современный русский язык» под ред. П.А. Леканта утверждается, что «именительный падеж, представляющий собой основную, словарную форму имени, называется прямым падежом, остальные падежи называются косвенными. Именительный падеж никогда не употребляется с предлогом, предложный падеж никогда не выступает без предлога; остальные падежи употребляются как с предлогами, так и без них» (Лекант, 2002, с. 261).

С.М. Колесникова, связывая значение падежа с точки зрения его смысловой формы с синтаксической функцией имен существительных, заключает, что «средства выражения падежа бывают синтетические (*флексия – стол-а*) и аналитические (*флексия и предлог – около стол-а, предлог и ударение – в лесу (предл. пад.) – к лесу (дат. пад.)*). В выражении падежной функции может принимать участие *ударение: волны (род. пад., ед.ч.) – волны (им.-вин. пад., мн.ч.)*» (Колесникова, 2008, сс. 239-240).

Исходя из мнений лингвистов по отношению к падежам и категории падежа в современном русском языке, понимается, что трудности изучения падежей заключаются в выражении падежного значения, флексий, грамматических категорий рода и числа, ударений и безусловно, связанных с падежной системой слов-исключений. У носителя турецкого языка, который изучает русский как иностранный, возникают проблемы в понимании и употреблении русских падежей. То есть, у носителя турецкого языка эти трудности при изучении русских падежей возникают из-за грамматических структур, форм и функций языка, то есть, и из-за разноструктурной языковой системы русского и турецкого языков.

Для инофонов, в том числе и турецких, значительные трудности представляет принцип формоизменения имен существительных, местоимений, прилагательных, числительных. К этим трудностям относится многообразие флексий и усвоение многозначности падежей. Употребление падежей в речи является одной из наиболее сложных задач методики преподавания русского языка как иностранного.

Из вышесказанного следует, что определяя и выражая синтаксическую и семантическую роль категории «падеж» в предложении, следует включать в неё и формообразующую, и словоизменительную грамматическую категорию имён существительных, прилагательных, числительных и т.п. – как в флективно-синтетическом русском языке, так и в агглютинативном турецком языке.

Структура и общая характеристика категории падежа в русском языке

В работе под редакцией В. Д. Стариченка, где с научной точки зрения изучается морфология, в том числе и падеж имён существительных русского языка, авторы придерживаются мнения, которое полностью разделяет автор данной статьи, о том, что каждый из шести падежей в данном языке имеет смысловую структуру, выражает конкретные отношения между словами и выполняет синтаксическую функцию.

Более того, во многих работах отмечается тот факт, что в русском языке именительный падеж, определяя начальную форму, называется прямым, а все остальные пять падежей называются косвенными. Кроме этого, именительный падеж употребляется без предлога, а предложный (местный), наоборот, с предлогами. Родительный, дательный, винительный и творительный падежи в зависимости от ситуации употребляются и с предлогами, и без них. Ещё замечено, что отвечая на конкретные вопросы, каждый падеж, кроме именительного (нулевого), имеет определенное окончание, которое при склонении слова изменяется.

Теперь рассмотрим, какие функции выполняет каждый из этих шести падежей в русском языке:

В качестве примера здесь можно привести пример из определения В. Д. Стариченка. Приводя свою классификацию признаков функций падежей в соответствии с их содержанием, формой и функционированием, в разделе «Основные значения и функции падежей» ученым дано подробное описание падежей современного русского языка:

а) **именительный падеж** выполняет номинативную функцию, не выражает каких-либо отношений между словами, не может употребляться с предлогами. б) **родительный падеж** выступает в предложении в роли дополнения, несогласованного определения, обстоятельства, именной части составного сказуемого (забот хватает, подарок друга, бегать у реки, роста он малого). в) **дательный падеж** выполняет в предложении функцию дополнения или обстоятельства (купить подарок другу, гулять по парку). г) **винительный падеж** выполняет в предложении роль прямого и косвенного дополнения, а также обстоятельства (писать диктант, огорчить учителя, бороться за мир). д) **творительный падеж** выполняет в предложении функцию дополнения, именной части сказуемого, обстоятельства и несогласованного определения (руководить бригадой, брат будет учителем, идти улицей, дом с мезонином). е) **предложный падеж** (в древнерусском языке он назывался местным) в современном русском языке употребляется только с предлогами, в предложении выполняет роль дополнения или обстоятельства (думать о сестре, работать в администрации). (Стариченок, Горбацевич, Ратько & Чуханова, 2011, сс. 274-277).

Нельзя обойти вниманием тот факт, что русский язык претерпел определенные изменения и реформы на протяжении своего развития. В древности в русском языке существовали и использовались падежи, которые сейчас применяются очень редко и заменяются основными современными вариантами. Среди вполне утраченных падежей русского языка: **звательный падеж** – (от церковно-славянского – *Боже! Отче!*); **местный падеж** – *в шкафу* (не *в шкафе*), *дома*, *домой*; **количественно-отделительный** или **разделительный падеж** (от родительного падежа) – *чашка чаю* (вместо *чая*) – *налить в стакан чая*, *выпить чаю*; **счетный падеж** (с числительным) – *три часа* (не *прошло и часа*);

отложительный падеж (исходный) – *из домУ*; **лишительный падеж** (с глаголами отрицания) – *не хочу знать правды (не правду)*; **ждательный падеж** (родительно-винительный падеж) – *ждать письма (не письмо)*; **превратительный** (включительный) **падеж** (от винительного падежа в кого? во что?) – *взять в плен*.

Здесь следует оговорить, что по мнению известного лингвиста А.А. Зализняка, «в современных описаниях русского языка наиболее распространена 6-падежная система. В то же время давно и достаточно широко известна также 8-падежная схема, включающая, кроме перечисленных выше падежей, еще так называемый 2-й родительный (или количественно-отделительный, или партитив) и 2-й предложный (или местный)» (Зализняк, 2002, с. 37). По мнению некоторых лингвистов, помимо этих основных шести падежей существуют еще несколько словоформ-падежей как звательный, количественно-отделительный, местный и исходный падежи.

Структура и общая характеристика категории падежа в турецком языке

Необходимо заметить, что известный тюрколог А.Н. Кононов, описывая разницу между шестью турецкими падежами, утверждает, что аффиксы падежей – ударны, что их можно расценить как дополнительную семантико-функциональную нагрузку на структурную составляющую того или иного падежа. То есть, содержание падежной категории, выражаемое в турецком языке не только флексией, но и интонацией, может быть с затруднением выражено носителем турецкого языка, изучающего русский как иностранный, так как русское ударение, хоть и имеет склонность варьироваться от формы к форме, но не имеет стандартного алгоритма изменения в зависимости от падежа. Так, Кононов выделяет в турецком языке шесть падежей, и то, что каждый из падежей имеет свою особую форму. Он характеризует их следующим образом: основной падеж (нулевой аффикс падежа), родительный падеж турецкого языка, дательный падеж, винительный падеж, местный падеж, исходный падеж. При этом Кононов различает родительный падеж турецкого и русского языков, определяя, что в отличие от родительного в русском языке, в турецком языке он функционирует как приименной падеж и выражает отношения принадлежности в самом широком значения этого слова, отвечая на вопросы *чей? кого? что?* (Кононов, 2001).

Л.Н. Дудина не дает отдельной классификации, но из её слов можно сделать вывод, что в турецком языке есть местный, дательный, исходный, винительный и родительный падежи. По мнению ученого, родительный падеж турецкого языка, отвечая на вопросы *чей? кого? чего?* выражается отношениями принадлежности (Дудина, 1993).

В свою очередь, турецкий лингвист М. Эргин предлагает следующее определение падежа, согласно которому состояния, в которых находятся существительные во время их отношений с существительными, глаголами и предлогами, выражаются, как состояния существительного; при выражении каждого отношения существительное находится в разных состояниях, а суффиксы, которые показывают эти состояния, являются суффиксами состояния (Ergin, 2009, с. 129).

Т. Себзеджиоглу в своей работе «Турецкая грамматика с лингвистической точки зрения» предлагает, что в турецком языке можно выделить шесть основных падежей (*Yalın durum* (именительный), *Belirtme durumu* (винительный), *Yönelme durumu* (дательный),

Bulunma durumu (предложный), *Ayrıma durumu* (исходный), *Tamlayan durumu* (родительный как двуаффиксный *izafet*) и шесть падежных маркеров, которые кодируют эти шесть падежей (Sebzecioğlu, 2016, с. 194).

Мехмет Хенгирмен в словаре грамматических и лингвистических терминов выделяет пять падежей и дает толкование, предполагающее, что в турецком языке существуют *yalın* (именительный), *belirtme* (винительный), *yönelme* (дательный), *kalma* (предложный) и *çıkma durumu* (исходный) (Hengirmen, 2009, с. 12).

Функциональные соответствия и несоответствия в падежных системах

Следует подчеркнуть, что данная работа рассматривает функциональные соответствия и несоответствия между падежными системами русского и турецкого языков, во-первых, с точки зрения типологического сопоставления, одновременно лингводидактическая и дидактическая ценность которого подчёркивается сравнительно-историческим методом в общей и частной лингвистике. Во-вторых, анализ осуществляется на основе материала языковых систем русского и турецкого языков (а не речевого материала конкретных говорящих) (учитывая сосюровское противопоставление языка и речи (Сосюр 1999: 21), что определяет теоретическую значимость результатов исследования и потенциал их дальнейшего применения в лингводидактических целях. В-третьих, современные исследования, затрагивающие сопоставление внутри русско-турецкой языковой пары, осуществляются по большей части либо на основе выборочного анализа речевых ситуаций в контексте выбранного или выбранных падежей (Taşbaşı Mutlu 2011, с. 305-309, Кадыоглу 2015, с. 81-82, Жаркова, Савилова 2022, с. 247-249, Шеремет 2016, с. 386-388), либо, наоборот, охватывают не только собственно падежный, но и другие уровни грамматической системы сравниваемых языков, опять же в контексте речевого материала говорящего (Барулин 1984, с. 103-132, Барышникова 2014, с. 35, Боброва, Мартиросова, 2014, с. 48, Богатырева, Лучковская, Румянцева, 2014, с. 51-52, Ыылдырым, 2017, с. 33-34). То есть, актуальность данной работы подчёркивается конкретизацией сопоставительного анализа на уровне всех шести падежей русского языка и обобщением в контексте падежной системы, её плана выражения в сравнении с турецкой.

Рассмотрим явление падежа в турецком языке в сопоставлении с русским падежом. Являясь агглютинирующим, турецкий язык имеет способ словообразования и формообразования, при котором к корню и основе друг за другом, в определенной последовательности, присоединяются аффиксы, при этом корни слов не изменяются. Например; «*ev-ler-(i)miz-de*» – «в наших домах». В этом слове, который имеет аффикс предложного падежа, к слову «*ev*» – «дом» присоединяются аффикс множественного числа «*-ler*», аффикс принадлежности «*-(i)miz*», который придаёт значение «*наш*», аффикс предложного падежа «*-de*». В турецком языке падежи образуются, в основном, благодаря падежным окончаниям, аффиксам. Кроме того, в турецком языке именно таких предлогов, как в русской падежной системе, нет. (*Biz şimdi __ işte-y-iz*. Перевод: *Мы сейчас на работе*). В турецком языке у каждого падежа есть свои аффиксы, присоединяющиеся к словам. Надо отметить, что в словосочетаниях, образующихся с помощью прилагательных и существительных, эти аффиксы присоединяются только к существительному, а не к существительному и прилагательному, как в русском языке. (*Ben güzel_ araba-yı görüyorum*. Перевод: *Я вижу красивую машину*).

Таким образом, по сравнению с русским языком в турецком языке пять падежей: именительный (*yalın hal durumu*), винительный (*belirtme durumu*), исходный (*ayrılma durumu*), дательный (*yönelme durumu*) и предложный (*bulunma durumu*) падежи. Один из них, исходный падеж, приравнивается к русскому родительному падежу, но не полностью охватывает его. Потому что исходный падеж отвечает на вопросы *kimden/neyden/nereden*, и в переводе на русский язык получается – «кого, чего, из чего, от кого, от чего, откуда», но исходный падеж не имеет формы как в русском родительном падеже со словосочетаниями «существительное + существительное – цвет стол-а (*masa-nun reng-i*), машина Ахмет-а (*Ahmet'in araba-sı*) и т.п.». Потому что это явление в турецком языке существует отдельно, и тюркологи и лингвисты переводят его на русский язык как «двухаффиксный изафет». Из названия можно понять, что к обоим существительным присоединяются аффиксы. Именно из-за подобных несоответствий, не имеющих структурного аналога в русском языке, но семантически вызывающих эффект ложного понимания, турецкий инофон сталкивается со сложностями при изучении и усвоении родительного падежа в русском языке.

Аналога русского творительного падежа в турецком языке не существует в виде падежной категории, но с помощью послелога «*ile*» (в сокращенной форме, по гармонии гласных и согласных, *-la/-le/-yla/-yle*) придается падежное значение русского творительного падежа в турецком языке. Чрезвычайно важен тот факт, что не все русские глаголы, использующиеся только в творительном падеже, какими являются, например, *притворяться* (*мёртвым, больным*), *управлять* (*страной, эмоциями, фирмой*), совпадают с турецкими по управлению падежного вопроса, самого падежа и падежной формы (например, турецкий глагол *управлять/yoönetmek* употребляется в винительном падеже). Таким образом, в глагольном управлении в обоих языках существует множество сходств, но и не меньше различий.

Являясь важным элементом предложения, каждый глагол управляет определенным падежом или падежами. Падеж имени существительного, стоящего после глагола, зависит от конкретного глагола. При построении предложения важно поставить существительное в нужном падеже. В противном случае, даже при правильности формы всех слов в предложении, без верного глагольного управления оно может потерять смысл или быть неправильно понятым.

В связи с тем, что русский и турецкий языки сильно отличаются друг от друга по структуре, носители турецкого языка нередко сталкиваются с трудностями при изучении русских падежей. В том числе и при изучении русского глагольного управления. Ниже детально рассмотрены некоторые глаголы, которые в русском языке управляют одним падежом, а в турецком – другим. Например:

Таблица 1. Глагольное управление в русском и турецком языках.

	Русский язык	Турецкий язык
зависеть (<i>bağlı olmak</i>)	от кого/чего (<i>род. пад.</i>)	кому/чему (<i>дат. пад.</i>)
бояться (<i>korkmak</i>)	кого/чего (<i>род. пад.</i>)	от кого/чего (<i>исход. пад.</i>)
нравиться (<i>hoşlanmak</i>)	кто/что (<i>имен. пад.</i>)	от кого/чего (<i>исход. пад.</i>)
стесняться (<i>çekinmek</i>)	кого/чего (<i>род. пад.</i>)	от кого/чего (<i>исход. пад.</i>)
смеяться (<i>gülmek</i>)	над кем (<i>твор. пад.</i>)	кому (<i>дат. пад.</i>)

Далее приведены примеры некоторых других различий в употреблении русских и турецких падежей, создающих трудности при их изучении:

в книг-е - kitap-ta; **на** фабрик-е – fabrika-da; **из** дом-а – ev-den

Как мы видим в этих примерах, в русском языке употребляется и предлог, и падежное окончание, а в турецком – только падежное окончание. Чтобы описать местонахождение кого или чего-либо, используются определенные слова, которые придают значения «*внутри, снаружи, изнутри, над-чем то и т.д.*». Таким образом понимается, что в турецком языке нет именно таких предлогов, как «в»/«на» в русской падежной системе. Данные примеры демонстрируют, что в турецком языке у каждого турецкого падежа есть только свои аффиксы – падежные окончания, присоединяющиеся к словам.

Еще одна трудность возникает, когда имена существительные могут употребляться с предлогами или без них. Для этого случая можно привести пример в творительном падеже русского языка, когда семантические различия в зависимости от наличия или отсутствия предлога выходят за рамки грамматической ошибки, становясь причиной ошибки коммуникативной:

Таблица 2. Употребление творительного падежа русского языка с предлогом и без предлога

Т.П. с предлогом «с»	Т.П. без предлога «с»
он идет <u>с</u> ложкой	он ест ложкой
она идет <u>с</u> вилкой	он ест вилкой
он прыгает <u>с</u> мячом	он играет мячом
быть <u>с</u> другом	быть другом

К тому же, турецкий язык различает только прагматическую сторону понятия рода, или гендера, который определяется как фактор, конструирующий мужскую или женскую идентичность, и как один из параметров говорящей личности (Полякова, 2009, с. 45), как динамичный конструкт (Кирилина 2021, с. 114) и социо-культурно конструируемый феномен (Кирилина 2021, с. 119, 125). Исходя же из триады «биологический пол» - «социальный гендер» - «грамматический род», составляющей понятие гендера (Стериополо & Стериополо 2022), грамматической категории рода в турецком языке не существует. Данный фактор потенциально влияет на успешность коммуникации не только на уровне падежа, но и на других уровнях языка, при том что турецкий язык, начиная с личных местоимений, не имеет родовых различий. Несоблюдение родовых различий в русской речи инофоном может вызвать не только ошибочное восприятие слушающим окружающей действительности, характера объектов и субъектов действия, но и заставить изучающего русский как иностранный отказываться от личных местоимений по причине их меньшего употребления в турецкой речи, и, как результат, «проглатывать» окончания, характеризующие не только род, но и падеж в целом. Это обусловлено тем фактором, что в русском языке падежное окончание полностью зависит от рода, агглютинативный турецкий же язык отдельными аффиксами «нанизывает» на корень категории падежа и числа, не имея при этом характеристики рода.

Таблица 3. Склонение и род прилагательного и существительного.

	М.Р.	Ж.Р.	С.Р.
И.П.	хорош <u>ий</u> стол / <i>iyi masa</i>	хорош <u>ая</u> сумк <u>а</u> / <i>iyi çanta</i>	хорош <u>ее</u> здани <u>е</u> / <i>iyi bina</i>
Р.П.	хорош <u>его</u> стол <u>а</u> / <i>iyi masa-nın</i>	хорош <u>ей</u> сумк <u>и</u> / <i>iyi çanta-nın</i>	хорош <u>его</u> здани <u>я</u> / <i>iyi bina-nın</i>
В.П.	хорош <u>ий</u> стол / <i>iyi masa-yı</i>	хорош <u>ую</u> сумк <u>у</u> / <i>iyi çanta-yı</i>	хорош <u>ее</u> здани <u>е</u> / <i>iyi bina-yı</i>

Д.П.	хороше <u>му</u> столу / <i>iyi masa-ya</i>	хороше <u>й</u> сумке / <i>iyi çanta-ya</i>	хороше <u>му</u> здани <u>ю</u> / <i>iyi bina-ya</i>
Т.П.	хороши <u>м</u> стол <u>ом</u> / <i>iyi masa-yla</i>	хороше <u>й</u> сумк <u>ой</u> / <i>iyi çanta-yla</i>	хороши <u>м</u> здани <u>ем</u> / <i>iyi bina-yla</i>
П.П.	хороше <u>м</u> стол <u>е</u> / <i>iyi masa-da</i>	хороше <u>й</u> сумк <u>е</u> / <i>iyi çanta-da</i>	хороше <u>м</u> здани <u>и</u> / <i>iyi bina-da</i>

По указанным примерам в таблице четко понимается, что в турецком языке не только нет грамматической категории рода, но и в отличие от русской падежной системы, в турецком языке падежные окончания не присоединяются к имени прилагательному, а только к существительному. Эта особенность также имеет свой негативный интерферентный эффект на построение речи на русском языке носителем турецкого языка, так как его внимание может не распространяться на прилагательное в силу особенностей родного языка; таким образом, согласование в роде, лице и числе между существительным и прилагательным, характерное для русского языка, инофоном может не выстраиваться на обоих уровнях – и существительного, и прилагательного.

Отдельным значимым фактором структурно-семантических несоответствий между падежными системами русского и турецкого языков можно назвать, напротив, случаи несогласованных определений. Хотя здесь не требуется выдерживать гармонию «род-число-падеж», несогласованные определения, или эквиваленты прилагательных, представляют чрезвычайно богатые, разнообразные по своему падежному наполнению структуры, например: *сумка высокого качества* (ср. с вариантом согласования *высококачественная сумка*), *стол красного цвета* (ср. *красный стол*), *девушка с голубыми глазами* (ср. *голубоглазая девушка*). Здесь согласование тоже может присутствовать, но в части эквивалента, образуя при этом двойное падежное отношение: между определяемым и определяющим с вопросами косвенных падежей (*стол* чего? какого цвета? *красного цвета* – вопрос Р.п.; *сумка* какого качества? чего? *высокого качества* – вопрос Р.п.; *девушка* с чем? с какими глазами? *с голубыми глазами* – вопрос Т.п.) и между членами синтагмы внутри самого эквивалента (*глазами* какими? *голубыми*; *качества* какого? *высокого*; *цвета* какого? *красного*) по принципу согласования между существительным и прилагательным, причём в косвенном падеже, поставленном определяемым словом к эквивалентной синтагме. Соответствующая семантика в турецком языке зачастую достигается опять же только аффиксным путём: *kırmızı renkli masa*, *mavi gözlü kız*, *çok (yüksek) kaliteli çanta*.

Другой особенностью падежных отношений русского языка является то, что в винительном падеже категория одушевленности-неодушевленности играет значимую, осязаемую на уровне морфологии роль, в результате чего слова изменяются и склоняются по-другому. В турецком, напротив, нет такой категории.

Таблица 4. Категория одушевленности и неодушевленности.

	В.п. в категории одушевлённости	В.п. в категории неодушевлённости
Мн.ч.	Люблю эти <u>х</u> дете <u>й</u> (И.п. дети) / <i>Bu çocukları seviyorum</i>	Люблю эти <u>и</u> книг <u>и</u> (И.п. книги) / <i>Bu kitapları seviyorum</i>
М.р.	Смотрю на челове <u>к</u> а (И.п. человек) / <i>Adama bakıyorum</i>	Смотрю на стол (И.п. стол) / <i>Masaya bakıyorum</i>

К этому случаю можно добавить слова-исключения и заимствованные несклоняемые имена существительные в русском языке. Кроме основных грамматических правил русский

язык имеет множество исключений, которые осложняют процесс изучения русского языка как иностранного. Например:

Таблица 5. Склонение в словах-исключениях и несклоняемых именах существительных.

	слова-исключения	несклоняемые имена существительные
И.П.	<i>хороший папа</i>	<i>хорошее метро</i>
Р.П.	<i>хорошего папы</i>	<i>хорошего метро</i>
В.П.	<i>хорошего папу</i>	<i>хорошее метро</i>
Д.П.	<i>хорошему папе</i>	<i>хорошему метро</i>
Т.П.	<i>хорошим папой</i>	<i>хорошим метро</i>
П.П.	<i>хорошем папе</i>	<i>хорошем метро</i>

Вышеприведённые примеры иллюстрируют случай, когда привычное окончание не является признаком ассоциируемого с ним рода: окончание женского рода «-а» в слове мужского рода. Сюда можно также отнести слова на «-мя»: *имя, время* (не женского, как это предполагает окончание -я/-а, а среднего рода). Причём падежные аффиксы также не являют собой стандартный алгоритм грамматического словоизменения: В.п. *имя, время*, Р.п./П.п./Д.п. *имени, времени*, Т.п. *именем, временем*.

В особую категорию можно выделить падежное употребление в фразеологических единицах, отличающееся от нормы современного русского языка: *вернуться на круги своя* (вместо *свои*), *с миру по нитке* (вместо *с мира*), *цыплят по осени считают* (вместо *осенью*). Лексемы типа *осенью, весной, летом, зимой; утром, днём, вечером, ночью* наряду с исключениями типа *дома* и *домой* входят в состав наречий, хотя представляют собой «застывшие» формы творительного, родительного или других падежей. Подобные лексемы хоть и заучиваются в качестве неизменяемых словоформ, но вызывают впоследствии трудности с восприятием формы именительного падежа (*осень, весна, зима, лето; утро, день, вечер, ночь*), могут затруднять понимание разницы между формами *дома* и *в доме*, *домой* и *в дом*. Хотя, есть и относительный параллелизм в плане выражения и характере исключений, таких как *uzun, kışın* (*летом, зимой*).

Ещё одним примером частичного, или мнимого соответствия, может послужить турецкий исходный падеж (*ayrılma durumu*), отчасти выполняющий функцию и имеющий значение русского родительного падежа, отвечая на вопросы «*от кого/чего, из кого/чего, откуда*», но не соответствующий с нижеуказанными пунктами и значениями в русском родительном падеже:

Таблица 6. Значение родительного падежа русского языка

<i>об отсутствии кого или чего-либо</i>	<i>на полке нет книги/на работе нет директора</i>
<i>о владенце чего-либо</i>	<i>у мальчика есть кошка</i>
<i>о лице, у которого находится предмет или человек</i>	<i>секретарь у директора/мама у подруги</i>
<i>много, мало, сколько, несколько, числительные + существительные (Р.П.)</i>	<i>сколько стаканов/пять рублей</i>
<i>кусок, коробка, стакан, бутылка, + неисчисляемые существительные в Р.П.</i>	<i>бутылка воды/стакан сока/кусок хлеба</i>
<i>предмет определяется другим предметом</i>	<i>ножка стола/машина друга</i>
<i>о дате события (число, год)</i>	<i>он родился второго августа ...</i>

В результате употребления одних и тех же предлогов в разных русских падежах тоже возникают трудности у изучающих русский язык носителей турецкого. Например:

Таблица 7. Употребление одного и того же предлога в разных падежах русского языка

предложный падеж	винительный падеж
<i>в машине/в сумке/в доме/на работе</i>	<i>в машину/в сумку/в дом/на работу</i>

Данная таблица демонстрирует, что вопрос *куда?* у неодушевленных предметов в русском языке имеет отношение к винительному падежу, а в турецком – к дательному, что также может послужить причиной проблем у носителей турецкого языка при изучении русских падежей:

Таблица 8. Вопрос «куда?» в русском и турецком языке

КУДА (NEREYE)?	
Д.п. в турецком языке.	В.п. в русском языке
<i>okul-a / iş-e / bahçe-ye</i>	<i>в школу / на работу / в сад</i>

Вышеприведённые примеры являются свидетельством того, что подход к изучению падежной системы русского языка как иностранного с точки зрения носителя турецкого языка, в силу принадлежности обоих языков к двум противоположным строям языковых систем, к двум далеко или, по утверждению некоторых учёных, неродственных языковых семей, требует типологического сопоставления и формирования осознанной лингводидактической базы как у преподавателя, так и учащегося.

Заключение

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что трудности в различении структур с тем или иным падежным значением лежат, прежде всего, в рамках самого языка, а именно, в отклонении от норм родного современного языка (устаревшие, «застывшие» формы, исключения), которые и для носителя языка выходят за рамки стандартного алгоритма, а для инофона представляют трудность для понимания и запоминания. Они представлены разговорными, фразеологическими единицами, семантика которых не нуждается в комментариях для носителя языка, однако, не укладывается в «правило», заученное инофоном.

Более того, разница в терминологической, систематической и функциональной представленности турецкой падежной системы в русскоязычной литературе вызывает лакуны и несоответствия в структурно-семантических отношениях между русской и турецкой падежными системами. В данном случае инофон пользуется структурой родного языка, не предполагая, что она является ошибочной по отношению к иностранному высказыванию. Подобные случаи зачастую связаны с разницей в глагольном управлении в русском и турецком языках, в семантически мнимых параллелях в названии падежа (как, например, варианты турецкого изафета и русский родительный падеж). Причём управление и несогласованные определения, или эквиваленты, при формировании русскоязычной синтагмы являются языковым материалом, предлагающим сложные предложно-падежные отношения между определяемым и определяющим, что в турецком варианте формируется аффиксным способом и подлжит иной грамматической логике.

Отдельным строем стоят вопросительные слова наречного характера (*где? куда? откуда? почему?* и т.д.), которые, как и вышеупомянутое глагольное управление, может требовать разного падежа в русском или турецком синтаксическом контексте. Таким образом, как и теоретические подходы к понятию падежа, описанные в начале данной работы, так и практика использования падежа выливаются в определённый синтаксический

алгоритм, который требует от субъекта речи выбора в случае одного языка только в пользу аффиксов (турецкий), в случае другого – в пользу сочетания аффиксов и предлогов (русский).

Более того, разница между предложным и беспредложным использованием одного и того же падежа в русском языке (на примере творительного) вызывает функциональный диссонанс, который может послужить причиной неуспешной коммуникативной ситуации (*быть другом/быть с другом*). Причём успешность или неуспешность её зависит не только от возможных грамматических ошибок, которые возможно осознать в контексте, но и от ошибок коммуникативных, когда причиной непонимания даже в контексте может стать не ошибочное окончание, а неверный выбор в пользу использования или неиспользования предлога.

Как видно из вышесказанного, изучение русского языка носителем турецкого имеет склонность к явлениям интерференции на разных уровнях, в частности, на уровне параллелей и несоответствий в падежных системах данных языков. Данная работа подробно описывает сущность этих явлений и подчёркивает актуальность проблемы несоответствия и непараллельности в категориях и планах выражения русской и турецкой падежной системы. Это, в свою очередь, сказывается на трудностях в обучении не только на начальном, но и на продвинутом этапе, так как именно он предлагает инофону падежные структуры, представляющие стилистически дифференцированные пласты лексики и фразеологии. Каждый из этих пластов имеет свои структурно-семантические клише, уходящие корнями в историю языка, представляющие собой остатки прежних правил, исчезнувших из системы падежных структур, однако, присутствующих в так называемых исключениях, не вызывающих вопроса и не представляющих проблемы для носителя языка, однако, необъяснимых для инофона.

С лингводидактической и методической точки зрения, детальный разбор падежной структуры в сопоставительно-типологическом аспекте в учебных материалах по русскому как иностранному, в общем, и для турецкого инофона, в частности, особенно вне языковой среды, может стать фактором, способствующим преодолению языкового барьера. И наоборот, затруднения в выражении своих мыслей в живом спонтанном общении или обдуманном речетворчестве по причине несоответствий в структурно-семантических отношениях падежных систем, невозможность объяснить непараллельность той или иной падежной категории в плане её выражения в родном и изучаемом языке – всё это может сформировать так называемую в теории преподавания «приобретённую беспомощность».

В решении этого вопроса преподавателям русского языка как иностранного предлагается в ходе обучения обращать должное внимание сравнительной типологизации систем русского и турецкого языков, в том числе и на уровне падежей, сравнивать структуру обоих языков, иллюстрировать её примерами по типу приведённых в данной статье, пополнять лингводидактическую копилку возможными несоответствиями между планами выражения, терминологическими формулировками и названиями падежей в русском и турецком языках. Именно постоянное сопровождение учебного процесса потенциальными материалами для межъязыковой интерференции на уровне отношений падежных систем позволит инофону учиться на заведомо спланированных преподавателем

ошибках, увидеть закономерности даже в исключениях, с интересом разбираться в своих потенциальных ошибках, в их причинах и последствиях.

Безусловно, одной из лингводидактических задач преподавателя является не только выбор, но и создание учебных материалов, подробно касающихся этой проблемы, предлагающих сравнительно-типологические схемы взаимодействия падежных систем русского и турецкого языков. Тем самым, лингводидактические разработки именно в рамках конкретной языковой пары, какой для данной статьи является русско-турецкая, позволят сначала на наглядных примерах выявить, продемонстрировать, а потом путём сравнительно-типологических методологических приёмов обобщить, объяснить и облегчить трудности в усвоении падежной системы русского языка носителем турецкого.

В результате рассмотрения примеров в ходе данной работы и изучения исследований по данной проблеме можно сделать вывод, что соотношение падежных систем русского и турецкого языков до сих пор недостаточно изучено именно в сравнительно-типологическом аспекте. Таким образом, научная новизна данной работы заключается в дифференцированном освещении понятия, плана содержания и выражения категории падежа в контексте двух вышеназванных языков, в выявлении сходств и различий с точки зрения соответствия и несоответствия плана выражения падежей в частности и падежных систем русского и турецкого языков в целом, а также в лингводидактическом описании способов выражения специфики русской падежной системы в зеркале турецкого языка.

Extended Abstract

The study of the case system is one of the most important aspects of Russian grammar. Considering the fact that Russian and Turkish belong to different typological systems, it should be emphasized that for a native speaker of Turkish, the grammatical structure of Russian often proves to be a great difficulty, especially from the point of view of studying the case of a noun, adjective or other part of speech prone to nominalization as a word-forming grammatical category of the Russian language.

This paper identifies several approaches to understanding of the term "case" and examines the different methodological approaches of scholars who have investigated this issue from the point of view of normative grammar. On the basis of the comparative method, a typological characterization of the main differences between the grammatical systems of the two languages is given. The concept of "case" and the history of its origin are studied, and the peculiarities of modern Russian cases are revealed.

The article defines and characterizes the case category of the Russian language in the traditional sense, which is associated with the grammatical category of declined linguistic units. On the basis of comparative-typological analysis, general linguistic and specific features of the case system in both languages are highlighted. The analysis is carried out at the level of the linguistic system of Russian and Turkish, while the specific results of the speech activity of the foreigner are not affected. Thus, the discussion and results of the work are based on the structural and semantic features of the case system of the Russian language in a comparative aspect with the peculiarities of Turkish.

The problem of this study is that the main difficulties in the study of the Russian case system by Turkish speakers and their errors in the use of cases, case forms, inflections, affixes, and control

forms of Modern Russian are related to the mismatch between the systems of these languages and the lacunar character, i.e. the absence of some grammatical phenomena. Besides the absence of prepositional relations in Turkish and their potential in the formation of multiple meanings (instr. case without a preposition: *быть другом* / instr. case with a preposition: *быть с другом*), the Turkish language's indistinction of grammatical genus or the concept of animate and inanimate and the dependence of the form of case affixation on them (prep. case masc.: *о хорошем столе* / prep. case fem.: *о хорошей сумке* / prep. case neut.: *о хорошем здании*; accus. case animate: *любить детей* / accus. case inanimate: *любить книги*), they can also include exceptions and frozen forms that have arisen in Russian due to historical changes in the course of its development (*утром/днём/вечером/ночью; весной/зимой/летом/осенью; дома/домой*).

The relevance of this paper is emphasized by the fact that the differences in the case systems of Russian and Turkish are one of the essential factors not only for linguodidactic theory but also for language teaching practice, which, in turn, is based on the principles of linguodidactics - typological comparison of language systems. It should also be noted that it is interlingual interference - both at the level of the plan of expression of the case form and its internal, semantic content - that can cause many errors in a native speaker of Turkish while learning modern Russian grammar. Moreover, the lacunar and interferential nature of errors can be caused by typological differences not only at the level of the case system but also by others, such as lexico-semantic, phraseological, cognitive linguistically, and culturally specific factors (Church Slavonic forms: *вернуться на круги своя*; elements of folk art: *с миру по нитке*).

The article considers several problems related to the category of case in Russian in comparison with Turkish, which are significant from the point of view of a native speaker of Turkish. The analysis has shown that similar categories of dissimilar languages, along with coincidences in conceptual and terminological apparatus and imaginary parallels in structure (e.g. Russian genitive case and Turkish *isafet*) have, first of all, semantic-functional, sometimes even stylistic differences (*kırmızı renkli masa* as *красный стол* or *стол красного цвета*), to which special attention should be paid when studying and mastering the language. Conversely, similarities or parallels in the semantics of a lexeme, the main lexeme in a syntagm, may have cardinal differences in the prepositional-padding control (the verb *управлять* in Russian requires the instrumental case, the synonymous Turkish verb *yönetmek* requires the accusative case).

Consequently, the competence of a native speaker of Turkish who learns or passes on his/her knowledge of the Russian case system should include not only linguodidactic awareness and a conscious approach to preventing his/her own and others' errors caused by interference but also a readiness to analyse and explain the nature of these errors, which can both eliminate the fear of making mistakes and look into their structural, semantic, etymological and other causes with interest.

RUSÇA-TÜRKÇE DİL ÇİFTİNDE LİNGVODİDAKTİK BİR SORUN OLARAK AD DURUM BİÇİMİRİMLERİNİN YAPISAL VE ANLAMSAL İLİŞKİLERİ

Özet

Rusça ve Türkçe arasındaki fark, dil bilgisi, biçim bilgisi, ses bilgisi, üslup bilimi, sözdizimi, anlam bilimi gibi çeşitli yönlerde özgü yapısal ve anlamsal faktörlerden kaynaklanmaktadır. Bunda her iki dilin farklı dil ailelerine ait olması önemli bir rol oynamaktadır: Rusça Hint-Avrupa dil ailesinden Slav dilleri grubuna, Türkçe ise Altay ailesinden Türk dillerine aittir. Rusçanın bükümlü diller grubuna ait olması ve Türkçenin ise eklemeli, bitişken dil

olması nedeniyle, ana dilleri Rusça ve Türkçe olanlar tarafından adı geçen dillerin öğrenilmesinde birçok zorluk yaşanmaktadır. Bu nedenle, makale, dilbilgisi yeterliliklerinin oluşmasında zorluklara neden olan önemli farklılıkları belirlemek amacıyla Rusça ve Türkçenin dil bilgisi sistemlerinde ad durum biçimbirimlerinin anlam bilimi açısından tipolojik karşılaştırma yöntemini teklif etmektedir. Karşılaştırmalı yöntemle ad durum biçimbirimleri incelenmekte, Rusça ve Türkçedeki ifadeleri açısından farklılıkları analiz edilmekte, yapısal ve anlamsal, tarihsel ve dilbilgisel yönlerdeki farklılıkların nedenleri belirlenmeye çalışılmaktadır. Çalışmanın ilk bölümünde, genel dil bilimi açısından yapılan bilimsel çalışmalar özelinde ad durum ekleri ve sistemleri, ayrıca çağdaş Rusça ve Türkçedeki fonksiyonel sorunları ele alınmaktadır. Çalışmada, ana dili Türkçe olanların Rusça ad durum biçimbirim sistemini öğrenirken karşılaştıkları zorluklar lingvodidaktik bir bakış açısıyla analiz edilmektedir. Sonuç bölümünde ise, anadili Türkçe olan kişinin bakışı açısından, diline ait ad durum ilişkilerinin yapısal ve anlamsal sistemleri ile ilgili çıkarımlar yapılarak, Rus dilindeki analogunun bileşenleri ile ilişkileri ortaya konulmaya çalışılmaktadır.

Anahtar Kelimeler: durum, durum kategorisi, Rusça-Türkçe dil çifti, karşılaştırmalı yöntem, lingvodidaktik

Библиография

- Барулин, А.Н. (1984). *Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы*. Дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук. Москва: Институт востоковедения АН СССР, 228 с.
- Барышникова, Е.Н. (2014). Прагматика урока русского языка как неродного в системе обучения мигрантов РФ. *Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия. Том 1*. Москва: РУДН, 34-36.
- Белашапкина, В. А. (1989). *Современный русский язык*. Высшая школа.
- Боброва, С.В., Мартиросова, М.А. (2014). Развитие познавательного интереса к русскому языку как языку межнационального общения. *Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия. Том 1*. Москва: РУДН, 43-49.
- Богатырева, И.В., Лучковская, С.В., Румянцева, Н.М. (2014). Национально-языковая ориентация при обучении русскому языку как иностранному (довузовский этап обучения). *Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия. Том 1*. Москва: РУДН, 50-52.
- Виноградов, В. В. (1947). *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР.
- Дудина, Л. Н. (1993). *Турецкий язык*. изд-во «Азарбайджан».
- Жаркова, Н.С., Савилова, С.Л. (2022). Трудности, возникающие у турецкоговорящих студентов при изучении винительного падежа. *Кант*, 3 (44), 245-250.
- Зализняк, А. А. (2002). *Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. Языки славянской культуры.
- Йылдырым, А. (2017). Из практического опыта преподавания русского языка как иностранного на подготовительном факультете Эрджиевского университета в Турции. *Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2-х частях. Часть 1*. Москва: РУДН, 33-36.

- Кадыоглу, Э. (2015). Трудности дательного падежа при изучении русского языка турецкими студентами. *Самарский научный вестник*, 1 (10), 81-83.
- Кирилина, А.В. (2021). Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*, 3 (49), 109-147.
- Колесникова, С. М. (2008). *Современный русский язык*. Высшая школа.
- Кононов, А. Н. (2001). *Грамматико современного литературного турецкого языка (Türk dili grameri)*. Multilingual.
- Ломоносов, М. В. (1755). *Российская грамматика*. Императорская академия наук (ИАН).
- Лекант, П. А. (2002). *Современный русский язык*. Дрофа.
- Лутин, С. А. (2019). *Система надежных функций в русском языке. Часть 1: надежи-генераторы*. Де Либри.
- Ожегов, С. И. & Шведова, Н. Ю. (2000). *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Российская академия наук.
- Полякова, Л.С. (2009). Понятие «гендер» в лингвистическом описании. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 11, 44-50.
- Розенталь, Д. Э., Голуб, И. Б. & Теленкова, М.А. (2017). *Современный русский язык*. АЙРИС.
- Соссюр, Ф. Де. (1999). *Курс общей лингвистики*. Ред. Ш.Балли и А. Сеше. Пер. с франц. А. Сухотина. Под общ. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 432 с.
- Стариченок, В. Д., Балущ, Т.В., & Горбацевич, О.Е. (2011). *Современный русский литературный язык: пособие*. Вышэйшая школа.
- Стериополо, О., Стериополо, Е. (2022). The Division of Gender. Гендерная пирамида: несоответствия между грамматическим родом, полом и гендером. *Вопросы языкознания*, 1, 59-84.
- Фасмер, М. (1986). *Этимологический Словарь Русского Языка. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. Том III (Муза-Сят)*. Прогресс.
- Цейтлин, Р. М. (1963). М. В. Ломоносов – Инициатор и организатор языковедческих исследований в Петербургской Академии наук. *Вопросы славянского языкознания*, 7, 103-118.
- Шеремет, В.В. (2016). Именительный падеж в русском языке и его эквиваленты в турецком: опыт корпусного исследования. *Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки», Том 2 (68), 3, 385-390.*
- Ergin, M. (2009). *Türk dil bilgisi*. Bayrak Yayınları.
- Hengirmen, M. (2009). *Dilbilgisi ve dilbilim terimleri sözlüğü*. Engin yayınevi.
- Sebzecioğlu, T. (2016). *Dilbilim kavramlarıyla türkçe dilbilgisi*. Kesit Yayınları

Taşbaşı Mutlu, A. (2011). Rusça ve Türkçedeki İlgi ve Bulunma Hallerinin Karşılaştırılması İncelenmesi. *A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*, 46, 301-312.

References

- Barulin, A.N. (1984). *Teoreticheskie problemy opisaniya tureckoj imennoj slovoformy*. Diss. na soisk. uchenoj step. kand. filol. nauk. Moskva: Institut vostokovedeniya AN SSSR, 228 s.
- Baryshnikova, E.N. (2014). Pragmatika uroka russkogo jazyka kak nerodnogo v sisteme obucheniya migrantov RF. *Innovacionnoe prepodavanie russkogo jazyka v uslovijah mnogojazychija. Tom 1*. Moskva: RUDN, 34-36.
- Beloshapkova. V. A. (1989). *Sovremennyy russkiy yazık. Vysshaya shkola*.
- Bobrova, S.V., Martirosova, M.A. (2014). Razvitie poznavatel'nogo interesa k russkomu jazyku kak jazyku mezhnacional'nogo obshhenija. *Innovacionnoe prepodavanie russkogo jazyka v uslovijah mnogojazychija. Tom 1*. Moskva: RUDN, 43-49.
- Bogatyreva, I.V., Luchkovskaja, S.V., Rumjageceva, N.M. (2014). Nacional'no-jazykovaja orientacija pri obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu (dovuzovskij jetap obucheniya). *Innovacionnoe prepodavanie russkogo jazyka v uslovijah mnogojazychija. Tom 1*. Moskva: RUDN, 50-52.
- Dudina. L. N. (1993). *Turetskiy yazık. İzd-vo «Azarbaydzhan»*.
- Ergin, M. (2009). *Türk dil bilgisi*. Bayrak Yayınları.
- Fasmer. M. (1986). *Etimologicheskij Slovar Russkogo Yazyka. Izdaniye vtoroye, stereotipnoye. V chetyrekh tomakh. Tom III (Muza-Syat)*. Progress.
- Hengirmen, M. (2009). *Dilbilgisi ve dilbilim terimleri sözlüğü*. Engin yayınevi.
- Kadyoglu, Je. (2015). Trudnosti datel'nogo padezha pri izuchenii russkogo jazyka tureckimi studentami. *Samarskiy nauchnyj vestnik*, 1 (10), 81-83.
- Kirilina, A.V. (2021). Gender i gendernaja lingvistika na rubezhe tret'ego tysjacheletija. *Voprosy psiholingvistiki*, 3 (49), 109-147.
- Kolesnikova. S. M. (2008). *Sovremennyy russkiy yazık. Vysshaya shkola*.
- Kononov. A. N. (2001). *Grammatiko sovremennogo literaturnogo turetskogo yazyka (Türk dili grameri)*. Multilingual.
- Lekant. P. A. (2002). *Sovremennyy russkiy yazık. Drofa*.
- Lomonosov. M. V. (1755). *Rossiyskaya grammatika*. İmperatorskaya Akademiya Nauk (IAN).
- Lutin. S. A. (2019). *Sistema padezhnykh funktsiy v russkom yazıke. Chast 1: padezhi-generatory*. De`Libri.
- Ozhegov. S. I. & Shvedova. N. Yu. (2000). *Tolkovyy slovar russkogo yazıka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*. Rossiyskaya akademiya nauk.
- Poljakova, L.S. (2009). Ponjatie «gender» v lingvisticheskom opisani. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 11, 44-50.
- Rozental. D. E., Golub. I. B. & Telenkova. M.A. (2017). *Sovremennyy russkiy yazık*. AYRIS.

- Sebzeciođlu, T. (2016). *Dilbilim kavramlarıyla Türkçe dilbilgisi*. Kesit Yayınları.
- Sheremet, V.V. (2016). Imenitel'nyj padezh v russkom jazyke i ego jekvivalenty v tureckom: opyt korpusnogo issledovanija. *Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Filologicheskie nauki», Tom 2 (68), 3, 385-390.*
- Sossjur, F. De. (1999). *Kurs obshhej lingvistiki*. Red. Sh.Balli i A. Seshe. Per. s franc. A. Suhotina. Pod obshh. red. M.Je. Rut. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 432 s.
- Starichenok. V. D., Balush. T.V. & Gorbatsevich. O.E. (2011). *Sovremenniy russkiy literaturniy yazık: posobiye*. Vysheyshaya shkola.
- Steriopolo, O., Steriopolo, E. (2022). The Division of Gender. Gendernaja piramida: nesootvetstvija mezhdu grammaticeskim rodом, polom i genderom. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 59-84.
- Taşbaşı Mutlu, A. (2011). Rusça ve Türkçedeki İlgi ve Bulunma Hallerinin Karşılaştırılmalı İncelenmesi. *A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*, 46, 301-312.
- Tseytlin. P. M. (1963). M. V. Lomonosov – İnitsiator i organizator yazıkovedcheskikh issledovaniy v Peterburgskoy Akademii nauk. *Voprosy slavyanskogo yazıkoznaniya*. Vypusk 7. 103-118.
- Vinogradov. V. V. (1947). *Russkiy yazık: Grammaticeskoye ucheniye o slove*. Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR.
- Yıldırım, A. (2017). Iz prakticheskogo opyta prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo na podgotovitel'nom fakul'tete Jerdzhiesskogo universiteta v Turcii. *Dovuzovskij jetap obuchenija v Rossii i mire: jazyk, adaptacija, socium, special'nost'*. *Sbornik statej I Mezhdunarodnogo kongressa prepodavatelej i rukovoditelej podgotovitel'nyh fakul'tetov: v 2-h chastjah. Chast' I*. Moskva: RUDN, 33-36.
- Zaliznyak. A. A. (2002). *Russkoye imennoye slovoizmeneniye s prilozheniyem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazıku i obshchemu yazıkoznaniyu*. Yazıkı slavyanskoy kulturu.
- Zharkova, N.S., Savilova, S.L. (2022). Trudnosti, voznikajushhie u tureckogovorjashhih studentov pri izuchenii vinitel'nogo padezha. *Kant*, 3 (44), 245-250.

Etik Beyan/Ethical Statement: Bu çalışmanın hazırlanma sürecinde bilimsel ve etik ilkelere uyulduğu ve yararlanılan tüm çalışmaların kaynakçada belirtildiği beyan olunur. / It is declared that scientific and ethical principles have been followed while carrying out and writing this study and that all the sources used have been properly cited.

Çatışma beyanı/Declaration of Conflict: Çalışmada kişi ya da kurumlar arası çıkar çatışmasının olmadığı beyan olunur. / It is declared that there is no conflict of interest between individuals or institutions in the study.

Telif Hakkı&Lisans/Copyright&License: Yazarlar dergide yayınlanan çalışmalarının telif hakkına sahiptirler ve çalışmaları CC BY-NC 4.0 lisansı altında yayımlanmaktadır. / Authors publishing with the journal retain the copyright to their work licensed under the CC BY-NC 4.0